

57
3-28

5Ac 412

ВѢСТНИКЪ 5

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

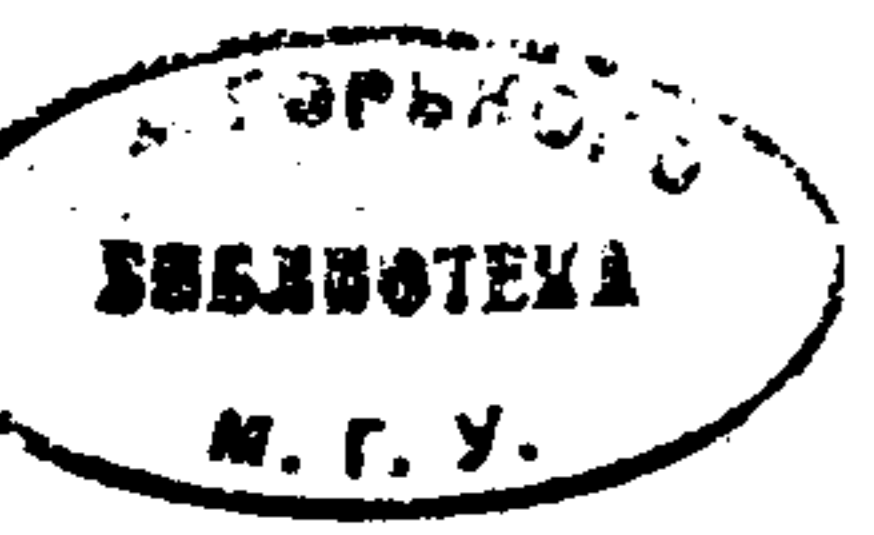
АПРѢЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Купи.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

289

№: 19054

1916

49478

РЕФЛЕКСЪ ЦѢЛИ¹⁾.

Много лѣтъ тому назадъ я и мои сотрудники по лабораторіи начали заниматься физиологическимъ, т. е. строго объективнымъ анализомъ высшей нервной дѣятельности собаки. При этомъ одной изъ задачъ являлось установленіе и систематизированіе тѣхъ, самыхъ простыхъ и основныхъ дѣятельностей нервной системы, съ которыми животное родится и къ которымъ потомъ, въ теченіе индивидуальной жизни, посредствомъ особенныхъ процессовъ, прикрѣпляются и наслаиваются болѣе сложныя дѣятельности. Прирожденные основныя нервныя дѣятельности представляютъ собой постоянныя, закономѣрныя реакціи организма на опредѣленныя внѣшнія или внутреннія раздраженія. Реакціи эти называются рефлексами и инстинктами. Большинство физиологовъ, не видя существенныхъ разницъ между тѣмъ, что называется рефлексомъ и что — инстинктомъ, предпочитаетъ общее названіе „рефлекса“, такъ какъ въ немъ отчетливѣе идея детерминизма, безспорна связь раздражителя съ эффектомъ, причины съ слѣдствіемъ. Я также предпочитательно буду употреблять слово „рефлексъ“, предоставляя другимъ, по желанію, подмѣнять его словомъ „инстинктъ“.

Анализъ дѣятельности животныхъ и людей приводитъ меня къ заключенію, что между рефлексами долженъ быть установленъ особый рефлексъ, рефлексъ цѣли — стремленіе къ обладанію опредѣленнымъ раздражающимъ предметомъ, понимая и обладаніе и предметъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Обрабатывая вопросъ о животныхъ особю, для предстоящаго лабораторнаго изслѣдованія, въ настоящее время я позволю себѣ предложить вашему благосклонному вниманію

¹⁾ Сообщеніе, опубликованное въ Петербургѣ 2-го апрѣля 1916 года

сопоставленіе фактовъ изъ человѣческой жизни, относящихся, какъ мнѣ кажется, до рефлекса цѣли.

Человѣческая жизнь состоитъ въ преслѣдованіи всевозможныхъ цѣлей: высокихъ, низкихъ, важныхъ, пустыхъ и. т. д. при чемъ примѣняются всѣ степени человѣческой энергіи. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то, что не существуетъ никакого постояннаго соотношенія между затрачиваемою энергіею и важностью цѣли: сплошь и рядомъ на совершенно пустыя цѣли тратится огромная энергія и наоборотъ. Подобное же часто наблюдается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, который, напр., работаетъ съ одинаковымъ жаромъ какъ для великой, такъ и для пустой цѣли. Это наводитъ на мысль, что надо отдѣлять самый актъ стремленія отъ смысла и цѣнности цѣли и что сущность дѣла заключается въ самомъ стремленіи, а цѣль — дѣло второстепенное.

Изъ всѣхъ формъ обнаруженія рефлекса цѣли въ человѣческой дѣятельности самой чистой, типичной и потому особенно удобной для анализа и вмѣстѣ самой распространенной является коллекціонерская страсть — стремленіе собрать части или единицы большого цѣлага или огромнаго собранія, обыкновенно остающихся недостижимыми.

Какъ извѣстно, коллекціонерство существуетъ и у животныхъ. Затѣмъ, коллекціонерство является особенно частымъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ основныя первыя дѣятельности проявляются, конечно, наиболѣе отчетливо, еще не прикрытыя индивидуальной работой и шаблонами жизни. Беря коллекціонерство во всемъ его объемѣ, нельзя не быть пораженнымъ фактомъ, что со страстью коллекционируются часто совершенно пустыя, ничтожныя вещи, которыя рѣшительно не представляютъ никакой цѣнности ни съ какой другой точки зрѣнія, кромѣ единственной, коллекціонерской, какъ пунктъ влеченіе. А рядомъ съ ничтожностью цѣли всякій знаетъ ту энергію, то безграничное подчасъ самопожертвованіе, съ которыми коллекціонеръ стремится къ его цѣли. Коллекціонеръ можетъ сдѣлаться посмѣшищемъ, преступникомъ, можетъ подавить свои основныя потребности, все ради его собираній. Развѣ мы не читаемъ часто въ газетахъ о скупцахъ-коллекціонерахъ денегъ, о томъ, что они, среди денегъ, умираютъ одинокими, въ грязи, холодѣ и голодѣ, ненавидимые и презираемые ихъ окружающими и даже близкими? — Сопоставляя все это, необходимо придти къ заключенію, что это есть темное, первичное, неодолимое влеченіе, инстинктъ

или рефлексъ. И всякій коллекціонеръ, захваченный его влеченіемъ и вмѣстѣ не потерявшій способности наблюдать за собою, сознаетъ отчетливо, что его такъ же непосредственно влечетъ къ слѣдующему номеру его коллекціи, какъ послѣ извѣстнаго промежутка въ ѣдѣ, влечетъ къ новому куску пици.

Какъ возникъ этотъ рефлексъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ стоитъ къ другимъ рефлексамъ?

Вопросъ трудный, какъ и вообще вопросъ о происхожденіи. Я позволю себѣ высказать относительно этого нѣсколько соображеній, имѣющихъ, какъ мнѣ кажется, значительный вѣсъ.

Вся жизнь есть осуществленіе одной цѣли, именно охраненіе самой жизни, неустанная работа того, что называется общимъ инстинктомъ жизни. Этотъ общій инстинктъ или рефлексъ жизни состоитъ изъ массы отдѣльных рефлексовъ. Большую часть этихъ рефлексовъ представляютъ собою положительно-двигательные рефлексы, т. е. въ направленіи къ условіямъ, благоприятнымъ для жизни, рефлексы, имѣющіе цѣлью захватить, усвоить эти условія для даннаго организма, захватывающіе, хватательные рефлексы. Я остановлюсь на двухъ изъ нихъ, какъ самыхъ обыденныхъ и вмѣстѣ сильнѣйшихъ, сопровождающихъ человѣческую жизнь, какъ и всякаго животнаго, съ перваго ея дня до послѣдняго. Это пищевой и ориентировочный (ислѣдовательскій) рефлексъ.

Каждый день мы стремимся къ извѣстному веществу, необходимому намъ, какъ матеріалъ для совершенія нашего жизненнаго химическаго процесса, вводимъ его въ себя, временно успокаиваемся, останавливаемся, чтобы черезъ нѣсколько часовъ или завтра снова стремиться захватить новую порцію этого матеріала — пици. Вмѣстѣ съ этимъ ежеминутно всякій новый раздражитель, падающій на насъ, вызываетъ соотвѣтствующее движеніе съ нашей стороны, чтобы лучше, полнѣе освѣдомиться относительно этого раздражителя. Мы вглядываемся въ появляющійся образъ, прислушиваемся къ возникшимъ звукамъ, усиленно втягиваемъ коснувшійся насъ запахъ, и, если предметъ близости насъ, стараемся охватить или захватить новое явленіе или предметъ соотвѣтствующими воспринимающими поверхностями, соотвѣтствующими органами чувствъ. До чего сильно и непосредственно наше стремленіе прикоснуться къ интересующему насъ предмету, явствуетъ хотя бы изъ тѣхъ барьеровъ, просьбъ и запрещеній, къ кото-

рымъ приходится прибѣгать, охраняя выставляемые на вниманіе даже культурной публики предметы.

Въ результатѣ ежедневной и безустанной работы этихъ хватательныхъ рефлексовъ и многихъ другихъ подобныхъ долженъ былъ образоваться и закрѣпиться, наследственностью такъ сказать, общій, обобщенный хватательный рефлексъ въ отношеніи всякаго предмета, разъ остановившаго на себѣ положительное вниманіе человѣка, — предмета, ставшаго временнымъ раздражителемъ человѣка. Это обобщеніе могло произойти различнымъ образомъ. Легко представляются два механизма. Иррадіація, распространеніе раздраженія съ того или другого хватательнаго рефлекса, въ случаѣ большаго ихъ напряженія. Не только дѣти, но даже и взрослые, въ случаѣ сильнаго аппетита, т. е. при сильномъ напряженіи пищевого рефлекса, разъ не имѣется ѣды, нерѣдко берутъ въ ротъ и жуютъ несъѣдобные предметы, а ребенокъ, въ первое время жизни, даже все его раздражающее тащить въ ротъ. Затѣмъ, во многихъ случаяхъ, въ силу совпаденія во времени, должно было имѣть мѣсто ассоцірованіе всяческихъ предметовъ съ различными хватательными рефлексами.

Что рефлексъ цѣли и его типическое форма-коллекціонерство находится въ какомъ-то соотношеніи съ главнымъ хватательнымъ рефлексомъ — пищевымъ, можно видѣть въ общности существенныхъ чертъ того и другого. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ важнѣйшую часть, сопровождающуюся рѣзкими симптомами, представляетъ стремленіе къ объекту. Съ захватываніемъ его начинается быстро развиваться успокоеніе и равнодушіе. Другая существенная черта — періодичность рефлекса. Всякій знаетъ, по собственному опыту, до какой степени нервная система склонна усвоить извѣстную послѣдовательность, ритмъ и темпъ дѣятельности. Какъ трудно сойти съ привычнаго темпа и ритма въ разговорѣ, ходьбѣ и т. д. И въ лабораторіи, при изученіи сложныхъ нервныхъ явленій животныхъ, можно надѣлать много и грубыхъ ошибокъ, если не считаться самымъ тщательнымъ образомъ съ этою склонностью. Поэтому особенную силу рефлекса цѣли въ формѣ коллекціонерства можно было бы видѣть именно въ этомъ совпаденіи обязательной при коллекціонерствѣ періодичности съ періодичностью пищевого рефлекса.

Какъ послѣ каждой ѣды, спустя извѣстный періодъ, непременно возобновится стремленіе къ новой порціи ея, такъ

и послѣ приобрѣтенія извѣстной, напр. почтовой марки непременно захочется приобрѣсти слѣдующую. Что періодичность въ рефлексѣ цѣли составляетъ важный пунктъ, обнаруживается и въ томъ, что большія непрерывныя задачи и цѣли, умственные, какъ и физическія, всѣ люди обыкновенно дробятъ на части, уроки, т. е. создаютъ ту же періодичность — и это очень способствуетъ сохраненію энергіи, облегчаетъ окончательное достиженіе цѣли.

Рефлексъ цѣли имѣетъ огромное жизненное значеніе, онъ есть основная форма жизненной энергіи каждаго изъ насъ. Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится къ постоянно достигаемой, но никогда недостижимой цѣли, или съ одинаковымъ пыломъ переходитъ отъ одной цѣли къ другой. Вся жизнь, всѣ ея улучшенія, вся ея культура дѣлается рефлексомъ цѣли, дѣлается только людьми, стремящимися къ той или другой поставленной ими себѣ въ жизни цѣли. Вѣдь коллекционировать можно все, пустяки, какъ и все важное и великое въ жизни: удобства жизни (практики), хорошіе законы (государственные люди), познанія (образованные люди), научныя открытія (ученые люди), добродѣтели (высокіе люди) и т. д.

Наоборотъ. Жизнь перестаетъ привязывать къ себѣ, какъ только исчезаетъ цѣль. Развѣ мы не читаемъ весьма часто въ запискахъ, оставляемыхъ самоубійцами, что они прекращаютъ жизнь потому, что она безцѣльна. Конечно, цѣли человеческой жизни безграничны и неистощимы. Трагедія самоубійцы въ томъ и заключается, что у него происходитъ чаще всего мимолетное, и только гораздо рѣже продолжительное, задерживаніе, торможеніе, какъ мы физиологи выражаемся, рефлекса цѣли.

Рефлексъ цѣли не есть ничто неподвижное, но, какъ и все въ организмѣ, колеблется и измѣняется, смотря по условіямъ, то въ сторону усиленія и развитія, то въ сторону ослабленія и почти совершеннаго искорененія. И здѣсь опять бросается въ глаза аналогія съ пищевымъ рефлексомъ. Правильнымъ пищевымъ режимомъ — соответствующей массой ѣды и правильною періодичностью въ приѣмѣ пищи — обеспечивается всегда здоровый сильный аппетитъ, нормальный пищевой рефлексъ, а за нимъ и нормальное питаніе. И наоборотъ. Припомнимъ довольно частый житейскій случай. У ребенка весьма легко возбуждается отъ слова объ ѣдѣ, а тѣмъ болѣе отъ вида пищи пищевой рефлексъ ранѣе надлежащаго срока.

Ребенокъ тянется къ ѣдѣ, проситъ ѣду и даже съ плачемъ. И если мать, сантиментальная, но не благоразумная, будетъ удовлетворять эти его первыя и случайныя желанія, то кончится тѣмъ, что ребенокъ, перехватывая ѣду урывками, до времени надлежащаго кормленія, собьетъ свой аппетитъ, будетъ ѣсть главную ѣду безъ аппетита, съѣсть въ цѣломъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, а при повтореніяхъ такого беспорядка растронитъ и свое пищевареніе и свое питаніе. Въ окончательномъ результатѣ ослабнетъ, а то и совсѣмъ пропадетъ, аппетитъ, т. е. стремленіе къ пищѣ, пищевой рефлексъ. Слѣдовательно, для полнаго, правильнаго плодотворнаго проявленія рефлекса требуется извѣстное его напряженіе. Англосаксъ, высшее воплощеніе рефлекса цѣли, хорошо знаетъ это, и вотъ, почему на вопросъ: какое главное условіе достиженія цѣли? — онъ отвѣчаетъ неожиданнымъ, невѣроятнымъ для русскаго глаза и уха образомъ: существованіе препятствій. Онъ какъ бы говоритъ: „пусть напряжется, въ отвѣтъ на препятствія, мой рефлексъ цѣли — и тогда-то я и достигну цѣли, какъ бы она ни была трудна для достиженія“. Интересно, что въ отвѣтъ совсѣмъ игнорируется невозможность достиженія цѣли. — Какъ это далеко отъ насъ, — у которыхъ „обстоятельства“ все извиняютъ, все оправдываютъ, со всѣмъ примиряютъ! До какой степени у насъ отсутствуютъ практическія свѣдѣнія относительно такого важнѣйшаго фактора жизни какъ рефлексъ цѣли; а эти свѣдѣнія такъ нужны во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ капитальнѣйшей области воспитанія.

Рефлексъ цѣли можетъ ослабнуть и даже быть совсѣмъ захлопнутъ обратнымъ механизмомъ. Вернемся опять къ аналогіи съ пищевымъ рефлексомъ. Какъ извѣстно, аппетитъ силенъ и невыносимъ только въ первые дни голоданія, а затѣмъ онъ очень слабнетъ. Точно также и въ результатъ продолжительнаго недоѣданія наступаетъ заморенность организма, паденіе его силы, а съ нею паденіе основныхъ нормальныхъ влеченій его, какъ это мы знаемъ относительно систематическихъ постниковъ. При продолжительномъ ограниченіи въ удовлетвореніи основныхъ влеченій, при постоянномъ сокращеніи работы основныхъ рефлексовъ падаетъ даже инстинктъ жизни, привязанность къ жизни. И мы знаемъ, какъ умирающіе въ низшихъ бѣдныхъ слояхъ населенія спокойно относятся къ смерти. Если не ошибаюсь, въ Китаѣ даже существуетъ возможность нанимать за себя на смертную

казнь. — Когда отрицательныя черты русскаго характера: лѣность, непредпріимчивость, равнодушное, или даже неряшливое отношеніе ко всякой жизненной работѣ навѣваетъ мрачное настроеніе, я говорю себѣ: нѣтъ, это не коренныя наши черты это — дрянной наносъ, это — проклятое наслѣдіе крѣпостнаго права. Оно сдѣлало изъ барина туеядца, освободивши его, въ счетъ чужого дароваго труда, отъ практики естественныхъ въ нормальной жизни стремленій обезпечить насущный хлѣбъ для себя и дорогихъ ему, завоевать свою жизненную позицію, оставивши его рефлексъ цѣли безъ работы на основныхъ линияхъ жизни. Оно сдѣлало изъ крѣпостнаго совершенно пассивное существо, безъ всякой жизненной перспективы, разъ постоянно на пути его самыхъ естественныхъ стремленій возставало неопределимое препятствіе въ видѣ всемогущихъ произвола и каприза барина и барыни. И мечтается мнѣ дальше. Испорченный аппетитъ, подорванное питаніе можно поправить, возстановитъ тщательнымъ уходомъ, спеціальною гигиеною. То же можетъ и должно произойти съ загнаннымъ исторически на русской почвѣ рефлексомъ цѣли. Если каждый изъ насъ будетъ лелѣять этотъ рефлексъ въ себѣ какъ драгоцѣннѣйшую часть своего существа, если родители и все учительство всѣхъ ранговъ сдѣлаетъ своею главной задачей укрѣпленіе и развитіе этого рефлекса въ опекаемой массѣ, если наши общественность и государственность откроютъ широкія возможности для практики этого рефлекса, то мы сдѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы должны и можемъ быть, судя по многимъ эпизодамъ нашей исторической жизни и по нѣкоторымъ взмахамъ нашей творческой силы.

И. Павловъ.

